

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая.

III.

Лѣтніе мѣсяцы, съ середины 70-годовъ до конца жизни, Милій Алексѣевичъ проводилъ въ Гатчинѣ. Впервые, онъ познакомился съ ней, пріѣхавъ ко мнѣ весной на урокъ, кажется, въ 1873 г. До того онъ не зналъ ея и, пріѣхавъ къ намъ и пойдя гулять съ отцомъ моимъ, послѣ урока въ Пріоратъ—по возвращеніи къ намъ, на дачу Ломакина, онъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, объявилъ:—Знаете-съ, тутъ чудесно-съ!.. На будущій годъ я тоже найму здѣсь дачу. Мнѣ давно совѣтуеть это Боткинъ... но я не вѣрилъ...

Мнѣ запомнился этотъ разговоръ потому, что Гатчина мнѣ лично не нравилась. Не нравились ея неряшливыя улицы, ея неизящныя деревянныя дачи, ея заброшенный, невыметенный или полувыметенный, полурасчищенный пустынный Пріоратъ и безлюдный, покинутый со временъ Императора Павла, дворцовый паркъ.

Я любила заграничныя, благоустроенныя, увитыя цвѣтами, оживленныя швейцарскіе и нѣмецкіе городки и курорты. И слово „чудесно“, примѣненное къ Гатчинѣ, меня просто поразило.

— Ну, ужъ и чудесно!—думала я.—И что тутъ чудеснаго?! Но такъ какъ Надежда Дмитріевна тоже восхищалась воз-

духомъ Гатчины, и всѣ въ разговорахъ, упоминали о „силлурійской“ формціи (почвы), открытой въ Гатчинѣ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ, домъ котораго ходили даже смотрѣть, я рѣшила, что вѣрно я ничего не понимаю, что пойму, когда выросту и, пожимая плечами, на этомъ и успокоилась.

Милій Алексѣевичъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Гатчину два раза въ мѣсяць,—чтобы дать мнѣ возможность отдохнуть лѣтомъ и не слишкомъ экзерсироваться.

Помню, разъ какъ-то онъ пріѣхалъ не черезъ недѣлю,—какъ я его ожидала, а на слѣдующую недѣлю.

Я пришла въ ужасъ: урокъ не былъ приготовленъ... Какъ же это будетъ?!.. И я съ холодными руками и сконфуженнымъ лицомъ пришла къ нему изъ сада на зовъ кого-то изъ старшихъ.

— Ну-съ, начнемте,—поздоровавшись, обратился онъ ко мнѣ и, глядя на меня, вѣрно догадался, что что-то не такъ.

— Вы приготовили урокъ?—спросилъ онъ меня, когда крышка рояля была имъ открыта и я принесла ноты.

— Нѣтъ.

— Почему-же-съ?

— Я васъ ждала въ слѣдующій четвергъ—сказала я и залилась краской стыда и смущенія.

Милій Алексѣевичъ схватился за внутренній боковой карманъ въ пиджакѣ, вытащилъ оттуда довольно большую и широкую записную черную книжку и, снявъ съ нея резинку, сталъ перелистывать ее.

Черезъ минуту онъ выговорилъ:

— Вы правы-съ. Это я перепуталъ. Ну-съ, до-свиданія, до слѣдующей недѣли.—И, подавъ мнѣ руку, быстро—стремительно онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шляпу, взялъ „макинтошъ“, и... исчезъ.

Когда я вышла въ садъ, на меня, и безъ-того сконфуженную,—накинулись всѣ:—Куда жъ дѣвался Милій Алексѣевичъ? Какъ это ты не удержала его, какъ не пригласила его остаться? Вѣдь это невѣжливо такъ поступать, не говоря уже о томъ, что это нерадушно, негостепріимно, и т. д., и т. д.

Я и сама знала, что я поступила противъ всѣхъ правилъ и приличій, но сказать Милію Алексѣевичу, какъ всякому другому знакомому, т.-е. обыкновенному человѣку:—„останьтесь пожалуйста. Пойдемте въ садъ“,—я была не въ силахъ, не въ состояніи.

Если отпустить его было невѣжливо, то такъ просто, за

„панибрата“ обойтись съ нимъ, было, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, еще хуже. Не то святотатственно, не то до безумія стыдно.

Впрочемъ, разобраться въ моихъ „переживаніяхъ“ тогда я не могла.

Цѣлый день у меня лежалъ гнетъ на сердцѣ, точно я совершила дурной поступокъ, и я счастлива была, когда, позднѣе, меня же стали утѣшать, что это не бѣда, что онъ ушелъ, „Ну, зайдетъ къ какимъ-нибудь знакомымъ, можетъ быть, къ Боткину, если Боткинъ тутъ, посоветуется съ нимъ“...

На слѣдующей недѣлѣ, когда Милій Алексѣевичъ пріѣхалъ на урокъ и, поздоровавшись, произнесъ съ улыбкой первымъ дѣломъ:

— Сегодня-съ, кажется, я во-время, сегодня нашъ урокъ?— я только сконфуженной улыбкой отвѣтила ему на улыбку, и рада была, что моя мать, вошедшая на его голосъ въ столовую, гдѣ стоялъ рояль, выразила ему, какъ она и мы всѣ жалѣли, что онъ не остался въ тотъ четвергъ у насъ.

— Неужели вы прямо съ поѣзда на поѣздъ?—спросила моя мать.—Вѣдь это ужасно!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—сказалъ Балакиревъ успокоительно:— я погулялъ-съ, а потомъ зашелъ къ знакомымъ.

— Къ Боткину?—вырвалось у меня.

— Его здѣсь нѣтъ-съ,—переводя на меня строгіе глаза, строго отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и, снова заставивъ меня вспыхнуть до корней волосъ, продолжалъ:—ну-съ, начнемте-съ урокъ.

Впослѣдствіи, кажется, въ концѣ лѣта, я узнала, что знакомыми его въ Гатчинѣ были Павелъ Михайловичъ Ковалевскій и жена его Анна Ѳедоровна, рожденная Кожевникова.

Оба были или казались мнѣ тогда уже пожилыми, „настоящими родителями“ двухъ прехорошенькихъ, изящныхъ дѣвочекъ, одѣтыхъ всегда въ бѣлыя платья съ красными широкими шелковыми заше'ами вокругъ талии и съ крупными кораллами на шеѣ.

Какъ-то разъ другъ юности моего отца и тоже, какъ отецъ, бывший харьковскій студентъ, Аполлонъ Михайловичъ Матушинскій, чиновникъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и извѣстный художественный критикъ, писавшій критическіе фельетоны въ „Голосъ“, пріѣхалъ къ намъ на дачу и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ былъ у Ковалевскихъ и слышалъ отъ нихъ, что мнѣ и лѣтомъ не даютъ покоя, что ко мнѣ пріѣзжаетъ да-

вать уроки Балакиревъ, и что М-ше Ковалевская тоже его ученица.

— Которая? — спросила я, не разслышавъ слово М-ше и представляя себѣ ту или другую хорошенькую дѣвочку.

— Какъ которая? — закатился своимъ особеннымъ смѣхомъ смѣшливый Матушинскій. — Развѣ ихъ нѣсколько? — И, переставъ смѣяться, нагибаясь ко мнѣ, онъ комически — тихо, съ удареніями пояснилъ: *Madame* Ковалевская, Анна *Федоровна* его ученица.

Я была поражена.

— Такая старая и беретъ уроки!

— Не беретъ, а бра-ла! — снова смѣясь, продолжалъ комически объяснять мнѣ Аполлонъ Михайловичъ и совершенно серьезно добавилъ: — „впрочемъ, она была уже замужемъ, когда брала уроки. Вы спросите вашего учителя... Она прекрасно играетъ“.

Меня покорило отъ слова „учителя“ (точно это былъ простой, обыкновенный Мг. *Grasseur!*), но я ничего ужъ не сказала.

Впослѣдствіи (черезъ нѣсколько лѣтъ), мы познакомились съ Ковалевскими. Павелъ Михайловичъ былъ, тогда уже въ отставку, нелюдимымъ и мизантропъ. Онъ почти никогда не выходилъ къ знакомымъ и писалъ и печаталъ въ „Вѣстникъ Европы“ свои интереснѣйшія и колкія, „костичныя“ воспоминанія.

Анна Федоровна, — сестра друга моего отца и тоже харьковскаго студента — Вас. Фед. Кожевникова, бывшаго консуломъ въ Руссуку, а потомъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимъ, — Анна Федоровна была тогда раздавлена обрушившимся на нее несчастьемъ — смертью старшей изъ двухъ дѣвочекъ — красавицы Шурочки, похожей на нее.

Тутъ, думается мнѣ, небезъинтересно будетъ вкратцѣ рассказать исторію Ковалевскихъ. Неизвѣстно почему въ то время, когда оба Ковалевскіе были молоды и женились, — нѣсколько семействъ были испытаны страшнымъ горемъ: всѣ рождавшіеся въ нихъ дѣти, не достигая года или тотчасъ послѣ него, умирали. Семьи эти были: Мечниковы (друзья моихъ родителей), мои родители, Челищевы и Ковалевскіе. Знакомые и полужнакомые между собой, всѣ они обожали своихъ дѣтей, дѣлали все, чтобы ихъ сохранить, и хоронили, хоронили!..

(У Челищевыхъ усыпальница рядомъ съ нашей, въ Сергіевой пустынѣ, близъ Стрѣльны, и жутко до сихъ поръ читать

на каждой младенческой могилкѣ годы и числа, когда рождались и гасли на землѣ едва посланные и уже отозванные души. Четверо моихъ братьевъ и сестеръ покоятся противъ маленькихъ Челищевыхъ подъ однимъ памятникомъ—бѣлой мраморной часовней—съ простой надписью: младенцы Николай, Софія, Екатерина, Надежда Кондрашovy).

Ковалевскіе тоже безъ конца теряли своихъ дѣтей и наконецъ также, какъ и другія семьи (мои родители, Мечниковы, и Челищевы) сберегли жизнь послѣднимъ дѣтямъ—отказавшись отъ выѣздовъ, баловъ, пріемовъ, словомъ, отъ всей свѣтской суеты и посвятивъ себя исключительно дѣтямъ, уѣхавъ съ ними за границу, и пр.

У Ковалевскихъ послѣдними дѣтьми были двѣ дѣвочки. Когда онѣ подросли,—для ихъ здоровья, все изъ-за той же „силлурійской формаціи“,—Ковалевскіе купили землю и выстроили большую и прекрасную дачу въ Гатчинѣ.

Въ 1873 г. дача эта была нарядная игрушка, съ маленькимъ паркомъ, цвѣтникомъ и балконами, полными растеній и душистыхъ цвѣтовъ, т.-е. со всей возможной роскошью простоты, развитаго вкуса и комфорта.

Но... но человѣкъ предполагаетъ...

Въ этой же самой, столь хваленой Гатчинѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, когда не было никакой эпидеміи,—старшая дочь Ковалевскихъ, полная цвѣтущаго здоровья и, дѣйствительно, рѣдкой красоты, шестнадцатилѣтняя дѣвочка заразилась въ молоко, которое имъ приносила крестьянка на домъ, дифтеритомъ (это узнали ужъ послѣ) и умерла въ полномъ сознаніи, повторяя только одну фразу: „Мамочка, значить, такъ Богу угодно... Такъ Богу угодно...“

Смерть ея и эта фраза потрясли тогда многихъ. Павелъ Михайловичъ былъ западникъ и человѣкъ вполне невѣрующій (тогда это было неотдѣлимо). Онъ запрещалъ вѣрующей женѣ даже водить дѣтей въ церковь, даже говорить о Богѣ, и вдругъ эта праведная кончина!..

Балакиревъ тоже зналъ и съ благоговѣніемъ и какой-то тихой вдумчивостью упоминалъ о ней, рассказывая о нравственныхъ страданіяхъ своей бывшей ученицы и задавая всегда вопросъ: „что-то теперь Павелъ Михайловичъ!..“

Когда мы познакомились съ Ковалевскими, Анна Ѳедоровна уже не играла при чужихъ, кажется, играла только для одной выросшей и страстно любившей музыку оставшейся дочери. Но она показала мнѣ мазурку, посвященную ей Балакиревымъ,

и на мои вопросы неохотно и съ едва замѣтной улыбкой отвѣчала о Миліи Алексѣвичѣ. Должно быть, западничество Павла Мих. отразилось на ней, и съ Балакиревымъ они разошлись и не видались.

Лѣтомъ 1898 года, т.-е. четверть вѣка спустя, судьба снова привела меня въ Гатчину. Жили мы тогда въ Императорскомъ дворцѣ, внизу, въ помѣщеніи, отдаваемомъ отъ мин. двора разнымъ лицамъ.

Помѣщеніе это выходило окнами въ паркъ. Издали, сквозь листву, чуть видѣлись пруды—озѣра, откуда доносилось криканье безчисленнаго множества утокъ, разведенныхъ высочайшими дѣтьми Государя Александра III.

Милій Алексѣвичъ, какъ всегда, и въ это лѣто жившій въ Гатчинѣ же, гдѣ-то на новыхъ мѣстахъ, по близости отъ своего любимаго Пріората, узнавъ, что мы проведемъ лѣто въ его резиденціи, проговорилъ: — и прекрасно-съ!.. Тамъ чудесно-съ.—И я къ вамъ буду часто приходить и... У васъ тамъ будетъ рояль?... Нѣтъ, піанино? И отлично-съ. Я буду на немъ „угощать“ васъ музыкой.

И дѣйствительно, не дождавшись нашего посѣщенія, какъ только мы переѣхали въ Гатчину, онъ зашелъ во дворецъ, вечеромъ гуляя, справится, тутъ ли мы, и всталъ на съѣвъ полномъ сборѣ.

Онъ попробовалъ піанино, сдѣлалъ съ улыбкой нѣсколько свойственныхъ ему колкихъ замѣчаній насчетъ его тона и давнишней настройки, но все же сыгралъ намъ что-то и ушелъ, настоятельно пожелавъ, чтобы мы не замедлили позвать настройщика.

Затѣмъ, онъ довольно часто сталъ посѣщать насъ, опять таки, какъ и зимою, по вечерамъ, и всегда заканчивалъ вечеръ музыкой, хотя піанино ему не нравилось, и онъ игралъ на немъ немного и какія-нибудь небольшія вещи.

Этимъ же лѣтомъ я, впервые, въ мою жизнь, была у него въ гостяхъ. Мы поѣхали къ нему вдвоемъ, съ другомъ моимъ Ек. Петр. Озеровой, и встали его въ одномъ изъ такъ исправившихся мнѣ въ дѣтствѣ и юности деревянныхъ, дачныхъ банальныхъ домиковъ.

Онъ только-что кончилъ обѣдать или пить дневной чай,— не знаю. Самоваръ и банка съ вареньемъ стояли еще на столѣ, и онъ, встрѣтивъ насъ привѣтствіемъ: „пожалуйте, пожалуйста, дорогія гостя“,—сталъ радушно предлагать намъ: „чаю-съ съ вареньемъ...“ говоря про варенье: „это мнѣ одна знакомая

попадья наварила-съ. Прекрасное варенье-съ... Не хотите? Ну, какъ угодно!..“ И онъ началъ просто, нисколько не обидясь, говорить о другомъ, приказавъ своему лакею убирать со стола.

Въ это наше первое посѣщеніе, я увидѣла у него втиснутый, спрятанный въ уголъ, на окнѣ, высокій стаканъ и въ немъ высохшія и полувыхсохшія, полувывядшія розы.

Онъ замѣтилъ, что я ихъ вижу, что я на нихъ смотрю,— и проговорилъ съ сарказмомъ: „Да-съ, это мнѣ одна дааама поднесла... *Ммъ...* (онъ сдѣлалъ удареніе и, сложивъ руки на груди, остановился). Цвѣты! (опять саркастическое удареніе и опять остановка).

Я молчала и думала о той, тоже полувывядшей, засохшей бѣлой розѣ, которая выпала у него изъ шапки, изъ кармана пальто, не знаю откуда, когда мнѣ было лѣтъ 18—19, и я разъ, по своему обыкновенію, провожала его послѣ урока до передней. Вспомнила, какъ онъ быстро нагнулся, поднялъ ее и быстро, стремительно, точно смутившись, снялъ на прощанье шапку и вышелъ на лѣстницу.

Вспомнила, какъ мучила меня эта роза, какъ не шла она къ представлявшейся мнѣ духовной личности Милія Алексѣевича...

— Отчего же?...—сказала теперь Екат. Петр. Озерова.— Конечно, именно вамъ.—Цвѣты, какъ подношеніе!..

— Нѣтъ-съ!...—серьезно отозвался Милій Алексѣевичъ.— Я ненавижу видѣть срѣзанные цвѣты. Вѣдь это видѣть ихъ медленную смерть-съ... Ихъ агонію!.. Ахъ, нѣтъ, это ужасно-съ!..

Онъ сдвинулъ брови и вложилъ столько жалости и состраданія въ свою интонацію, что я невольно внимательно посмотрѣла на него и еще разъ спросила себя: „откуда же была та роза?!.. Какая женская, безтактная, влюбленная душа дала ему ее?..

Въ этотъ разъ, на своемъ роялѣ, онъ сыгралъ намъ нѣсколько музыкальныхъ пьесокъ, какъ онъ ихъ называлъ, которыя онъ сочинялъ въ то время, и послѣ каждой изъ нихъ, поводя своими старческими глазами, смотрѣлъ: какое произвела на насъ впечатлѣніе та или другая вещь.

Возвращаясь отъ него во дворецъ, мы прошли пѣшкомъ, мимо когда-то красивой и изящной дачи Ковалевскихъ. Ее было не узнать: ни маленькаго парка, ни цвѣтника, ни балконовъ, полныхъ растеній и душистыхъ цвѣтовъ, тамъ не было. За выросшими деревьями ютилось что-то старенькое и темненькое, съ крытыми стеклянными, такъ излюбленными въ дач-

ныхъ русскихъ мѣстностяхъ безобразными „верандами“... Въ палисадникѣ копошились маленькія фигурки больныхъ дѣтей съ перевязанными руками, ногами, головами, въ длинныхъ ситцевыхъ платьицахъ или короткихъ ситцевыхъ же штанишкахъ и блузкахъ (смотря по полу...). Отъ дачи вмѣсто благоуханій левкоя, геліотропа, розъ и резеды, несся запахъ іодоформа...

Послѣ смерти дочери, Ковалевскіе принесли дачу въ даръ Обществу хронически больныхъ дѣтей, и они были теперь ея обитателями...

Въ воспоминаніи у меня ярко вспыхнулъ лѣтній солнечный день,—двѣ ивящныя дѣвочки, сходящія съ балкона въ бѣлыхъ платьяхъ съ красными шелковыми *sache*'ами на талии и нитками крупныхъ коралловъ на шеѣ... Дама съ прекрасными глазами... Бархатные звуки рояля... И слова изъ романа Амбруаза Тома, воскресли у меня въ памяти: *„argées, fleurs et guisseaux—il ne reste que vous!*

Тутъ же не было даже и цвѣтовъ.

Да! *Tout passe, seul le souvenir reste...*

Наискосокъ отъ дачи Ковалевскихъ, ближе къ Пріорату, высилась дача Боткиныхъ. Теперь ея тоже не существовало. Она тоже была отдана, несмотря на почву благословенной силлурійской формации, тому же благотворительному обществу, какъ и домъ Павла Мих. и Анны Фед., прозывалась „Домомъ Попеченія“, и въ ея стѣнахъ помѣщались такія же, какъ тамъ, несчастныя бѣдностью и болѣзнью туберкулеза дѣти, только выросшія и повдоровѣвшія отъ ухода и лѣченія.

Да!.. *Tout passe...*

Вдругъ сказка Андерсена промелькнула предо мною. Въ ней рассказано про пастушку-босоножку-нищенку, незаконную потомку когда-то гордыхъ владѣльцевъ замка, у подножія развалинъ котораго дѣвочка горестно пасетъ стада гусей, вырастаетъ и такъ и умираетъ нищенкой.

Больно сжалось сердце...

Суета суетъ! *Все суета!..*

IV.

Въ это лѣто я узнала, какъ сердечно привязанъ Милій Алексѣевичъ къ Сергѣю Михайловичу Лапунову, какъ беспокоится объ его судьбѣ, о матеріальномъ обезпеченіи. (С. М. Лапуновъ служилъ тогда еще въ пѣвческой капеллѣ, но, послѣ

ухода Балакирева, вскорѣ послѣ кончины Государя Александра III, положеніе его тамъ стало шаткимъ).

Приходя къ намъ, Милій Алексѣевичъ только и говорилъ о Ляпуновѣ, только, такъ сказать, и жилъ его интересами, его жизнью, не считая другого его интереса—„ка-пел-лы“, какъ онъ произносилъ слово капелла. Онъ все еще не могъ отвыкнуть отъ заботъ о дорогомъ, врученномъ ему Государемъ Александромъ Александровичемъ дѣтищѣ.

А тамъ, въ этомъ дѣтищѣ, т.-е. въ пѣвческой капеллѣ, происходила, какъ происходитъ всегда при смѣнѣ начальника, ломка всего того, что съ любовью строилъ и созидалъ ушедшій начальникъ, въ данномъ случаѣ Балакиревъ, и какъ слѣдствіе этого—гоненіе на всѣхъ его единомышленниковъ.

Входя въ положеніе пѣвчихъ, теряющихъ свой голосъ, почти тотчасъ по поступленіи, Милій Алексѣевичъ учредилъ инструментальные классы, пройдя которые, пѣвчій никогда ужъ не могъ быть выброшенъ на улицу, какъ негодный къ пѣнію и непріученный ни къ какому другому труду человѣкъ (что такъ часто случалось и случается съ пѣвчими).

Заботясь о физическомъ здоровьи ввѣренныхъ ему Государемъ дѣтей, Балакиревъ отказался отъ половины своего содержанія и отдалъ его на улучшеніе стола учениковъ.

Кромѣ того, заботясь о воспитаніи души и сердца мальчиковъ,—онъ все ученіе повернулъ къ славянофильскому руслу, заставивъ даже еврея—учителя Б. читать исторію Чехіи и Гуса по Гильфердингу.

Все это не нравилось преемнику Балакирева, и все это ревностно принялись выкорчевывать съ корнемъ.

Кромѣ того, Балакиревъ не считалъ, что слово начальникъ должно означать олимпійское, недоступное божество. Въмѣсто начальника онъ былъ отцомъ всѣхъ учащихся, зналъ всѣхъ не только въ лицо, по фамиліи, по семейнымъ обстоятельствамъ, но зналъ по именамъ, и однажды поразилъ Государя этимъ знаніемъ.

Дѣло происходило во время великаго поста. Капелла говѣла. Обыкновенно въ Высочайшемъ присутствіи никто не пріобщается, но Милій Алексѣевичъ какъ-то устроилъ такъ (испросилъ ли разрѣшеніе—не знаю), что, вопреки обычаю, пѣвчіе подошли къ Чашѣ при Государѣ и Императрицѣ. Балакиревъ тоже подошелъ къ священнику, всталъ возлѣ него и громко и отчетливо началъ называть, отъ мала до велика cadaго мальчика, заканчивая слова священника: „пріобщается рабъ Божій..“

Іоаннъ или приобщается рабъ Божій... Петръ, или приобщается рабъ Божій... Валентинъ и т. д.

Государь выстоялъ всю эту церемонію, послѣ обѣдни подошелъ къ Милію Алексѣвичу и, съ всепокоряющей улыбкой, сказалъ ему:— „я вамъ удивлялся! Какъ это вы можете всѣхъ узнать по именамъ! И ни разу не сбиться“!..

Разсказывая объ этомъ, Милій Алексѣвичъ всегда самъ свѣтился улыбкой.

Послѣ Балакирева—никто ужъ никогда не зналъ всѣхъ Васей и Мишей въ лицо, никто не заботился о нихъ, какъ объ индивидуальностяхъ... И вотъ это равнодушіе сокрушало Милія Алексѣвича, глодало ему сердце.

...Въ то лѣто шелъ процессъ Дрейфуса. У насъ было дома два лагеря—за и противъ Дрейфуса. Я искренно была убѣждена, что онъ, Дрейфусъ, невиновенъ, и искала подтвержденія этому не только во всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, но и въ разговорахъ съ разными людьми. Нѣсколько разъ пробовала заговаривать объ этомъ и съ Миліемъ Алексѣвичемъ, скучая его повторявшимися разсказами и сѣтованіями о „каналлѣ“. Но Милій Алексѣвичъ считалъ дѣло Дрейфуса неинтереснымъ, раздутымъ евреями и былъ убѣжденъ, что за Дрейфуса могутъ стоять только тѣ, кто подкупленъ.

Разъ я обидѣлась на него за эти слова и въ пылу негодованія сказала: „значить, и я подкуплена. Я получила 10 тысячъ, чтобы спорить съ вами и убѣждать васъ въ его невинности“.

Балакиревъ замолчалъ, открылъ ротъ, посмотрѣлъ на меня и, помолчавъ, поднявъ руки, выговорилъ...

— Ну, вотъ видите-съ... Въ такомъ случаѣ-съ...—и почувствовавъ, что дошелъ до „геркулесовыхъ столповъ“ абсурда, крикнувъ и издавъ свое: гм-гм-гм, замолчалъ.

Съ этого вечера мы никогда ужъ не спорили съ нимъ о Дрейфусѣ, но зато Милій Алексѣвичъ, при случаѣ и безъ случая, во всякое наше свиданіе, язвительно прохаживался на счетъ моей „любви“ къ евреямъ.

Онъ инстинктивно боялся ихъ, чувствовалъ ихъ тайную, почти стихійную силу, стоялъ за необходимость черты осѣдлости и все же, всю жизнь такъ или иначе покровительствовалъ имъ. Такъ въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ онъ сильно увлекался идеей апостольства среди нихъ, многихъ изъ нихъ крестилъ, считалъ ихъ искренними въ прозелитизмѣ. Затѣмъ они обманывали его,—оскорбляли его душу, вѣру въ людей

вообще и въ евреевъ въ частности... Милій Алексѣевичъ совѣтовалъ всѣмъ остерегаться евреевъ, но затѣмъ, снова, на жизненномъ пути его, черезъ нѣсколько времени, встрѣчался іудей, фениксъ вѣры въ человечество воспресалъ въ сердцѣ Балакирева, и снова повторялось рассказанное.

Такъ уже въ концѣ жизни онъ привезъ одного изъ своихъ путешествій „таланливаго“, — какъ онъ произносилъ, — жидка, который не имѣлъ права жительства въ столицѣ и за котораго Балакиревъ распинался, чтобы доставить ему разрѣшеніе покинуть такъ защищаемую имъ черту осѣдлости.

Зимой 1898—1899 года я впервые посѣтила Балакирева на его городской квартирѣ.

Мнѣ хотѣлось услышать слышанную мной въ концертѣ симфонію Милія Алексѣевича, и „Балладу для оркестра“ Ляпунова, и Балакиревъ пригласилъ меня и моихъ друзей къ себѣ, чтобы сыграть эти и другія вещи на 2-хъ фортепіано. Вторымъ пианистомъ, или партнеромъ его былъ Сергѣй Михайловичъ Ляпуновъ.

Странное чувство испытывала я, подѣвжая къ дому № 7 по Коломенской улицѣ, гдѣ жилъ уже много лѣтъ Милій Алексѣевичъ, и поднимаясь по безконечно высокой лѣстницѣ въ его скромную квартиру. Молодого стыда, что вотъ я узнаю, какъ онъ живетъ, что я буду у „него“, — уже не было и помина, но было воспоминаніе объ этомъ стыдѣ и анализъ: „что вотъ его нѣтъ, и никогда ужъ не будетъ, потому что ужъ нѣтъ какой-то тайны, потому что все ясно и просто“.

На звонокъ намъ отперъ дверь лакей Милія Алексѣевича — опозитизированный имъ „Андріанъ“. (Балакиревъ считалъ его много лѣтъ безвормыстнѣйшимъ и чуть-ли не святымъ человекомъ, съ благоговѣніемъ относясь къ памяти его отца, — яличника, когда-то перевозившаго его, Милія Алексѣевича, черезъ Неву. Яличникъ этотъ умеръ и въ наслѣдство Балакиреву оставилъ вдову и двухъ сыновей, о которыхъ до смерти и заботился Милій Алексѣевичъ).

Услышавъ нашъ звонокъ, Балакиревъ и самъ вышелъ въ переднюю и, протягивая обѣ руки, привѣтствовалъ насъ словами: — „пожалуйте, пожалуйста, дорогіе гости“.

Мы сняли шубы, раздѣлись и вошли.

Въ передней и всей квартирѣ было все замѣчательно чисто и пахло „монашенкой“.

Во всѣхъ комнатахъ, высоко въ углахъ виднѣлись у оконъ иконы Богоматери и передъ ними ярко теплились лампы.

Въ залѣ, по серединѣ, висѣла на цѣпочкѣ простая голубая лампа-фонарикъ.

Направо отъ входной двери, стоялъ рояль, и у стѣны, перпендикулярной къ нему, другой рояль. На стѣнахъ висѣли большіе портреты разныхъ композиторовъ, между прочимъ, надъ первымъ роялемъ подъ фототипіей съ картины Семирадскаго: „Шопенъ у кн. Радзивила“ и фотографіей „памятникъ Шопену въ Желѣзовой Велѣ, большой портретъ Гензельта съ автографомъ, не большой Ник. Рубинштейна, Шумана одного и его же съ женой, потомъ Шопена и Ласковскаго. Надъ вторымъ роялемъ, между прочимъ, овальный бронзовый барельефъ, формой похожій на большую медаль,—съ профилемъ Шопена и вокругъ него серебряный лавровый вѣнокъ или вѣтка. По бокамъ барельефа портретъ сестры Глинки—Л. И. Шестаковой; подъ ней портретъ Берліова. Съ другой стороны фотографія памятника Глинки въ Петербургѣ, подъ нимъ портретъ Листа и ниже портретъ Ляпунова. Налѣво отъ входа, противъ стѣны со вторымъ роялемъ, стоялъ орѣховаго дерева диванчикъ, крытый голубымъ штофомъ, такія же креслица и стулья, подъ ними небольшой бархатный коверъ.—Направо отъ дивана невысокая колонка и на ней бюстъ, кажется, Глинки, а на стѣнѣ вѣтка подъ стекломъ съ могилы Шопена. Налѣво отъ дивана, столъ съ бархатной салфеткой, и на немъ лампа.

Я описываю обстановку квартиры Милія Алексѣевича такъ, какъ она помнится и вспоминается мнѣ. Съ трудомъ всплываютъ детали, такъ ничто не поражало, ничто не останавливало вниманія, не развлекало, не говорило вкусу и не возмущало его. Все было бѣдно и просто.

... Начался концертъ, и полились изъ-подъ пальцевъ великаго русскаго композитора и піаниста дивные звуки, и звуки эти, да ликъ Богоматери и ярко-горѣвшая передъ нимъ лампада, казалось, были единственнымъ богатствомъ его жилища...

Послѣ концерта, хозяинъ пригласилъ всѣхъ въ столовую, направо (отъ передней), смежную съ залой.

Налѣво отъ передней, по другую сторону вала, былъ кабинетъ-библіотека Милія Алексѣевича и тамъ же, за перегородкой или шкапами, служившими перегородкой, его спальня.

Въ столовой, съ традиціонными желтенькими, т. е. изображающими ясное дерево обоями—былъ накрытъ столъ, ярко горѣла спускная лампа, и стояли на столѣ тарелки и блюда съ икрой, балыкомъ, семгой, сливочнымъ масломъ, сладкимъ,

большимъ орѣховымъ пирогомъ, фруктами, всевозможными вареньями и пр.

Все предлагаемое было перваго сорта. Икра рѣдкая. И сколько разъ мы ни бывали у Милія Алексѣевича—хлѣбосолюство и радушіе, и желаніе угостить каждаго по его вкусу— всегда были у него замѣчательныя, настоящія барскія. Онъ присматривался, кто что любитъ, и, зова къ себѣ, старался угостить этимъ любимымъ, радуясь, когда видѣлъ, что старанія его не пропали даромъ и, по-русски, угощая и угощая гостей.

— Вы попробуйте этого пирога, — говорилъ онъ, — когда икрѣ и всему прочему оказано было должное вниманіе.— Андріанъ, чаю!..

(И Андріанъ, блондинъ, на короткихъ ножкахъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ тоненькимъ галстукѣмъ на шеѣ вносилъ изъ внутреннихъ „покоевъ“ на подносѣ стаканы съ чаемъ).

— Нѣтъ-съ, позвольте вамъ положить пирога. Вы попробуйте-съ.

— Это отъ Дѣгурма?—спрашивалъ кто-нибудь.—Или отъ Балла. Прекрасный пирогъ.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и продолжалъ надѣлать пирогомъ другихъ.

— Отъ кого же? Дѣйствительно удивительно хорошій пирогъ!—замѣчалъ еще кто-нибудь.

Лицо Балакирева свѣтилось отъ удовольствія.

— Это я вамъ скажу-съ. Это здѣсь на Владимірской.

— Отъ Вебера?—вставлялъ кто-нибудь.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—опять говорилъ Балакиревъ.

— У Вебера вы такого пирога не найдете-съ. Это... и онъ называлъ фамилію владѣльца небольшой и неизвѣстной кондитерской.—Это только тамъ такіе пироги. Я ее случайно нашелъ. Знаете-съ, тѣмъ замѣчательная-съ чистота-съ. Я разъ даже спросилъ: „отчего у васъ такая чистота?“ И тамъ дочери—продавщицы отвѣчали: у насъ папа нѣмецъ. Н-да-да!!

На стѣнахъ столовой висѣли маленькія картинки фотографіи и литографіи въ узенькихъ черныхъ и желтенькихъ рамочкахъ. Это были виды какихъ-то городовъ и монастырей, но опять-таки не было ничего запечатлѣвающагося въ памяти, по крайней мѣрѣ, для меня.

Въ это первое наше посѣщеніе, я не входила въ кабинетъ Милія Алексѣевича. Онъ не былъ даже освѣщенъ. Но въ одинъ изъ слѣдующихъ разовъ, кажется, по поводу какого-то разговора о какой-то книгѣ, которую Балакиревъ пошелъ доставать въ своей библіотекѣ, я вошла, по его приглашенію, въ кабинетъ и увидѣла на его письменномъ столѣ чьи-то дагеротипные портреты.

На мой вопросъ: чьи они?—онъ отвѣтилъ, что его родственниковъ и матери.

Я спросила, разглядывая отвѣчивавшіе, какъ всегда, дагеротипы:— „А какъ рожденная ваша матушка?“ —И получила краткій, точно неохотный отвѣтъ:

— ЯшEROва—(удареніе на первой буквѣ, т. е. на Я).

До этого времени, мнѣ какъ-то въ голову никогда не приходило узнавать объ его происхожденіи, но тутъ, съ запинкой, я спросила:

— Милій Алексѣевичъ, а Балакиревъ... знаменитый шутъ... бывший при Аннѣ Іоановнѣ... который вмѣстѣ съ другими князьями... (я назвала фамиліи) долженъ былъ потѣшать Императрицу... онъ былъ вамъ родственникомъ, т. е. происходилъ изъ того же рода?

— Не знаю-съ!—просто отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ, видя, что я стараюсь смягчить мой вопросъ и отнюдь не имѣю въ виду оскорбить его, Балакирева.—Объ этомъ не сохранилось свѣдѣній... Но, должно быть, изъ того же рода. Другихъ Балакиревыхъ, дворянъ,—нѣтъ-съ.

И Милій Алексѣевичъ перемѣнилъ разговоръ.

Гораздо повднѣе, уже послѣ его смерти, на одной изъ панихидъ по немъ, я узнала отъ его сестры, Анны Алексѣевны, по мужу Гусевой, пріѣхавшей на его похороны изъ Нижняго, что родъ ихъ древній, что у Милія Алексѣевича въ бумагахъ есть родословная, въ которой сказано, что предокъ ихъ Балакиревъ сражался на Куликовомъ полѣ, противъ татаръ, рядомъ съ Дмитріемъ Донскимъ, что онъ былъ на бѣломъ конѣ, а слуга его, или оруженосецъ, на гнѣдомъ конѣ.

Но Балакиревъ никогда, ни словомъ не обмолвился мнѣ или при мнѣ о знатности или древности своего рода.

Онъ считалъ, что не это важно въ жизни, и всегда прохаживался даже насчетъ того, что женщины ставятъ на визитныхъ карточкахъ „рожденная“. „Точно могутъ быть не рожденныя!—Да-да!“ острилъ онъ, не зная остраго, злого анекдотическаго отвѣта свѣтской старухи: *elle n'est pas née dutout*. Забол-

чалъ онъ объ этомъ вопросѣ только тогда, когда я, какъ-то разъ, тихо сказала:

— Милій Алексѣевичъ, и я тоже ставлю.

Въ первое наше посѣщеніе я была удивлена, что ни въ залѣ, ни въ столовой, нигдѣ не было серебряныхъ вѣнковъ, которые подносили Балакиреву. Не было и руки Листа... Не было даже лентъ отъ лавровыхъ вѣнковъ и полотенецъ и пр. вышитыхъ вещей, которыя я видѣла на концертахъ въ ивобиліи дарили Милію Алексѣвичу.

Гдѣ они всѣ были,—я такъ при жизни его и не узнала, но разъ, придя ко мнѣ вечеромъ, онъ больно кольнулъ меня въ самое сердце и... несмотря на внутреннюю борьбу съ собой, я долго не могла простить ему этого разговора.

Не помню, по какому поводу произошелъ этотъ разговоръ или вѣрнѣе его рассказъ, но помню, какъ Милій Алексѣевичъ, за чайнымъ столомъ, со свойственными ему язвительными интонаціями, насмѣшливо блестя глазами, рассказавъ, какъ онъ на новоселье, при переѣздѣ на Коломенскую улицу, получилъ отъ моей матери хлѣбъ-соль съ солонкой и „то-о-о-оненькимъ“, саркастически протянулъ онъ, глядя мнѣ въ глаза:— н-да-да... то-о-оненькимъ серебрянымъ блюдомъ...

(Онъ поднялъ руку и, пальцами показавъ, какой „тонинны“ было блюдо, добавилъ):

— Оно у меня и до сихъ поръ цѣло-съ. Н-да-да!..

Я ужасно смутилась.

Воспоминаніе объ этомъ блюдѣ и вообще хлѣбъ-соли Балакиреву—ярко всплыло передо мною. Въ то время отецъ мой уже ревновалъ меня къ вліянію Милія Алексѣевича.

Когда онъ переѣхалъ изъ дома Бенардаки (Невскій 64) на Коломенскую 7,—мнѣ ужасно хотѣлось оказать ему какое-нибудь вниманіе, подарить ему что-нибудь „на счастье“—(я знала, что матеріальныя обстоятельства его очень не блестящи), но сказать, даже матери моей, не смѣла, боялась: мнѣ было „стыдно“.

Велико же было мое удовольствіе, когда разъ, за утреннимъ чаемъ, у моихъ родителей зашелъ по этому поводу самостоятельный разговоръ. Отецъ былъ противъ всякаго подарка, но хотѣлъ послать самую простую хлѣбъ-соль—т. е. ржаной хлѣбъ съ вырѣваннымъ на верху четырехугольникомъ и съ насыпанной въ немъ солью.

— Могу тебя увѣрить,—говорилъ отецъ моей матери,—что это будетъ ему самое пріятное подношеніе.

Моя мать не соглашалась и находила напротивъ, что ему нужно послать что-нибудь цѣнное.

— Ну, и будетъ, какъ съ шубой,—замѣтилъ отецъ.

— Такъ вѣдь это только будетъ солонка,—стояла на своемъ моя мать.—Солонка, какъ дарять на новоселье всѣмъ.

— Очень нужна такому человѣку, какъ Балакиревъ, у котораго хорошаго стула нѣтъ, золотая или даже серебряная солонка,—сказалъ отецъ.

— Въ крайности, онъ можетъ ее заложить,—не сдавалась мать. А то ничего ему не послать,—какъ-то страшно невнимательно, а послать, какъ ты говоришь, ржаной хлѣбъ... Нѣтъ!.. Ну-у-у, —просто невозможно... А тебѣ какъ кажется?—обратилась подъ конецъ моя мать ко мнѣ.

Я сильно покраснѣла и отъ внутренняго чувства и отъ того, что глаза отца были устремлены на меня, и отвѣтила, что нахожу, какъ мама и т. д.

Отецъ всталъ и, со словами:—„ну, дѣлайте, какъ хотите“...—недовольный вышелъ изъ столовой.

Позднѣе у моихъ родителей снова въ этотъ день произошелъ разговоръ по тому же поводу, и моя мать, во всемъ несерьезномъ—всегда уступавшая отцу, и тутъ рѣшила, что надо сдѣлать такъ, какъ онъ желаетъ. Но съ той минуты мы обѣ, я, чувствуя горечь обиды, стали соображать, что бы можно было послать Милію Алексѣвичу недорогое.

И вдругъ моя мать пришла ко мнѣ, чтобы утѣшить меня, и съ улыбкой сказала, что нашла что-то.

Мы сами тогда недавно, кажется, за годъ или два, переехали на Владимірскую 1—3 и между многими хлѣбъ-солями получили отъ человѣка, обязаннаго отцу (В. П. Ч.), шоколадный пирогъ. ввидѣ хлѣба, на серебряномъ блюдѣ съ прехорошенькой солонкой. Эту-то солонку и блюдо мы и рѣшили послать Балакиреву и когда рассказали объ этомъ отцу,—онъ разсмѣялся и сказалъ:—„покажите-ка, какое блюдо?.. Ну, его еще можно, только и то, пожалуй, обидится“.

Блюдо, солонка и хлѣбъ-соль были посланы Балакиреву—съ карточкой моей матери,—были посланы и канули, такъ сказать, въ вѣчность.

Милій Алексѣвичъ никогда не поблагодарилъ за нихъ, никогда не произнесъ о нихъ ни слова,—и мы съ матерью сначала сомнѣвались даже: получилъ ли онъ ихъ, а потомъ сконфуженно рѣшили, что да, вѣрно отецъ былъ правъ, что Балакиревъ обидѣлся... Что ничего цѣннаго ему не надо...

„Что же касается до Ел. А. О., то конечно я буду весьма радъ ее видѣть у себя, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кого вы съ собой привѣзете. (Орфографія автора письма)“.

На слѣдующій день я получила третье письмо:

„Къ моей радости въ субботу вечеромъ я оказываюсь свободнымъ, и потому буду васъ съ вашими дорогими друзьями въ этотъ вечеръ ожидать къ себѣ 8¹/₂ часовъ“.

Такихъ и подобныхъ писемъ за всѣ года у меня сохранилось много, и я позволю себѣ, въ свое время, привести нѣкоторыя изъ нихъ, освѣщающія съ той или иной стороны Балакирева.

Обыкновенно на этихъ домашнихъ концертахъ, кромѣ друга Балакирева Лянунова, присутствовали только мы, т.-е. я. Е. П. и Д. А. Озеровы и тѣ, кого мы приглашали. Разъ, впрочемъ, какъ-то былъ приглашенъ самимъ Миліемъ Алексѣевичемъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Не знаю, любилъ ли онъ и понималъ ли онъ музыку Балакирева.

Помню только, что послѣ музыки, за чаемъ, онъ говорилъ о литературѣ и восхищался повѣстью Леонтьева: „Путешествіе грека Одиссея Полихроандеса“.

Исключая меня, никто изъ присутствовавшихъ, какъ и Балакиревъ, не читали этого произведенія, а я хоть и читала въ молодости, когда оно выходило въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, не понимала тогда его политическихъ аллегорій и политическаго значенія и, по правдѣ сказать, находила, что оно написано тяжело, тягуче и крайне скучно.

Высказавъ это теперь Кутузову, я кажется навѣки „потеряла“ въ его глазахъ.

Не помню, въ этотъ ли годъ или позднѣе съ нами и Миліемъ Алексѣевичемъ на одномъ изъ его вечеровъ случился также смѣшной и досадной „казусъ“.

Въ день его концерта, тотчасъ послѣ нашего обѣда, неожиданно пришла къ намъ бѣднѣйшая молоденькая дѣвушка, съ дѣтства страстно любившая музыку. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывала про нее ея учительница музыки, съ которой мы познакомились на дачѣ, и которая, изъ состраданія къ тяжелому матеріальному положенію дѣвушки, пригласила ее къ себѣ на лѣто.

Мои дочери всѣ были значительно моложе ея, должны были готовить уроки, рано ложиться спать и потому не могли просидѣть съ гостьей. И вотъ я, поддаваясь уговорамъ моихъ друзей,

рѣшила взять съ собой къ Балакиреву молоденькую, крошечнаго роста барышню, думая доставить ей этимъ громадное наслажденіе, а Милію Алексѣевичу не помѣшать. имѣя его разрѣшеніе привозить, кого я пожелаю.

Всѣ мы спокойно сѣли въ карету и поѣхали съ О. Ш. на Коломенскую.

Но Балакиревъ обыкновенно крайне радушно, любезно встрѣчавшій всѣхъ своихъ гостей, съ неудовольствіемъ или вѣрнѣе недоумѣніемъ въ суровыхъ глазахъ посмотрѣлъ на крошку-барышню, какъ только мы вошли къ нему.

Пришлось объяснять ему, кто она.

Милій Алексѣевичъ вообще не былъ физіонистомъ. Онъ страшно ошибался въ людяхъ, достойныхъ считалъ недостойными и наоборотъ, но тутъ, должно быть, музыкальное чутье помогло ему, подсказало ему вѣрную оцѣнку.

На всѣ объясненія онъ только произносилъ свои:—„гм-гм-гмъ!.. Такъ любить музыку-съ!... гм-гм!...“ И, вдругъ, круто прервалъ разговоръ и перевелъ его на что-то другое.

Черезъ нѣкоторое время начался концертъ, и съ первыхъ же звуковъ барышня поблѣднѣла, загасла, стала закрывать и открывать глаза и вообще такъ явно начала высказывать признаки какого-то страннаго состоянія, недомоганія, что-ли, что испортила намъ весь вечеръ.

Мы, между пьесами, подходили къ ней (что сильно раздражало Балакирева), спрашивали ее: что съ ней? хотѣли отправить ее домой, или дать ей какое-нибудь противо-нервное лѣкарство...

На все барышня отвѣчала, что ей ничего не надо, что она здорова, и вяла, вяла...

Балакиревъ нѣрѣдка нетерпѣливо поглядывалъ на нее. Она же видимо нисколько не интересовалась тѣмъ, что онъ, и что и какъ онъ игралъ, и ожила только послѣ концерта, съѣвъ первую сардинку за ужиномъ.

Голодна ли она была?..—Богъ ее знаетъ!.. (Мы послѣ рассказали Милію Алексѣевичу объ ея стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и долго потомъ Балакиревъ не давалъ мнѣ покоя, всякій концертъ спрашивая: не привезу ли я опять на его вечеръ „голодную консерваторку“? Н-да! Да!)

...Осень 1899 года, вернувшись изъ Гапсаля, мы снова провели въ Гатчинѣ и снова часто видались съ Балакиревымъ. Дѣло Дрейфуса было кончено и всѣми болѣе или менѣе забыто, но другое дѣло, менѣе громкое, хотя тоже общественное, занимало круги, знавшіе о немъ.

Дѣло это касалось русскаго провинціального священника о. Алексѣя Зерчанинова, перешедшаго въ католицизмъ и заточеннаго вслѣдствіе сего въ Суздальскій монастырь или такъ называемую Суздальскую крѣпость.

Зерчанинову удалось оттуда написать письмо, ходившее между знакомыми по рукамъ, полное ужасающихъ подробностей о казематѣ, гдѣ его поселили, и о способахъ воздействия на него со стороны начальства.

Балакиревъ былъ православнымъ по убѣжденію, энциклопедическому знанію, т.-е. чтенію по этому предмету, и по логическимъ выводамъ. Но, одновременно съ этимъ, онъ былъ и великодушнѣйшій, и благороднѣйшій человекъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, утверждая меня въ нашей греко-русской православной вѣрѣ, онъ рассказывалъ мнѣ объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ и объ его вѣротерпимости и передавалъ лично ему извѣстный фактъ о томъ, что Хомяковъ не позволялъ несовершеннолѣтнему своему мальчику слугѣ-магометанину креститься, т.-е. принять православіе. Только въ отсутствіи Ал. Ст. жена или близкіе Хомякова,—не помню кто, способствовали крещенію мальчика и, думая сдѣлать пріятное Хомякову, встрѣтили его, по возвращеніи домой, этой новостью.

Но Хомяковъ пришелъ въ отчаяніе.

— Зачѣмъ было крестить несовершеннолѣтняго!.. Вѣдь онъ могъ сдѣлаться только номинально христіаниномъ!.. Надо было ждать его совершеннолѣтія для совершенія надъ нимъ таинства крещенія *Духомъ* не только *водою*.

— Такъ вотъ видите-съ, каковъ былъ Хомяковъ!..—говорилъ мнѣ тогда Балакиревъ, и глаза его сверкали воодушевленіемъ, и онъ искалъ пониманія въ моихъ глазахъ.

Теперь, узнавъ о Зерчаниновѣ, онъ пришелъ въ негодованіе.

— Ахъ, Бо-о-же мой! проговорилъ онъ и сталъ страшно интересоваться: дѣлаютъ ли что-нибудь для освобожденія Зерчанинова? Заходилъ къ намъ каждую недѣлю, чтобы имѣть о

немъ извѣстія, настаивалъ, что надо сдѣлать то-то и то-то. и написалъ мнѣ даже письмо по этому поводу.

Письмо это такъ замѣчательно по ширинѣ душевнаго горизонта Милія Алексѣевича, что я привожу его почти цѣликомъ, опуская лишь слишкомъ интимный и неинтересный потому для дѣла конецъ.

5-го августа 1899 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Я не перестаю думать объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ, и все болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ мысли, что газетная статья принесла бы громадную пользу, будучи напечатанной въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, благодаря чему, объ этомъ возмутительномъ фактѣ узналъ бы Государь, читающій эту газету“.

Добрѣйшая * * * также нашла бы въ этой статейкѣ надежное подспорье для своихъ добрыхъ стараній въ пользу несчастнаго. Примѣромъ для руководства въ этомъ дѣлѣ можетъ служить извѣстный фактъ, что по опубликованіи гр. Толстымъ объ отобраніи дѣтей у духоборцевъ въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, это варварство тотчасъ же было прекращено, такъ какъ оно сдѣлалось черезъ это извѣстнымъ Государю, и нашъ Торквемада въ оправданіе свое сказалъ, что все это дѣлалось *по недоразумѣнію* (!!!??)

Можетъ быть, такіе же результаты послѣдовали бы и по опубликованіи интересующаго насъ дѣла, статейку о коемъ я бы началъ такъ: Недавно мы приходили въ ужасъ, читая о фанатическомъ изувѣрствѣ ксендза Бѣлянкевича, уже осужденнаго, а теперь приходится ужасаться изувѣрствамъ съ противоположной стороны, и тутъ бы рассказать объ несчастномъ священникѣ съ цитатой изъ письма, описывающаго его ужасное положеніе въ Суздальскомъ застѣнкѣ.

О... можно совсѣмъ не упоминать, относя всю нравственную отвѣтственность за это дѣло къ Синоду.

Въ противовѣсъ къ дѣйствіямъ духовнаго вѣдомства, необходимо упомянуть о покойной княгинѣ Волконской, которую никто не покушался сажать въ застѣнокъ, и на похоронахъ которой въ костелѣ была Царская фамилія.—Такое упоминаніе необходимо, чтобы показать, что въ высшихъ сферахъ смотрять на подобные факты съ должной терпимостью, которая (слѣдовательно) идетъ отъ самого Государя.

А потому согласоваться съ этими возрѣніями и для духовнаго вѣдомства обязательно. — Съ другой стороны, и Волконскіе не будутъ въ претензіи за упоминаніе покойной Елизаветы Григорьевны, такъ какъ, благодаря этому, можетъ устроиться доброе христіанское дѣло. Къ тому же фактъ ея перехода за свидѣтельствованъ ея собственной семьей...“

...Зерчаниновъ, къ счастью, вскорѣ былъ освобожденъ.

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

